

Юлия Добровольская

ЛЮБИ СЕБЯ, КАК Я ТЕБЯ

Повесть

16+

Юлия Добровольская

Люби себя, как я тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32720272

SelfPub; 2018

Аннотация

Все мои истории – о сложностях и радостях человеческих взаимоотношений. Я не сужу своих героев – не осуждаю и не одобряю – я их наблюдаю. В моей прозе нет ничего об интригах, предательствах, мести, зависти и прочих явлениях, бытующих в среде спящей части человечества. Здесь – совсем о других людях. О тех, кто понимает, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы. О тех, чья жизнь – это рост, а не увядание, и смерть – это продолжение, а не конец.

Содержание

Люби себя, как я тебя	4
Предисловие	5
Начало	8
Продолжение начала	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Люби себя, как я тебя

Повесть

Всё началось банально, как в плохом романе. Хотя, если подумать, не всё ли в этой жизни так и начинается – с самого момента нашего появления на свет Божий?..

Как бы то ни было, при первой нашей встрече... Да что там, при первом взгляде на него я поняла, что меня прежней больше нет...

Опять не совсем то: не поняла, а почуяла. Так, наверно, кошки чуют землетрясение, крысы – течь, и бегут, бегут, движимые инстинктом самосохранения. Я не убежала.

Впрочем, сначала – так сначала. Даже лучше – с предисловия.

Предисловие

С маминой сестрой, Тамарой, мы были не то чтобы дружны, но довольно близки. Их с мамой разница в девять лет была гораздо заметней, чем наша с Тамарой в пятнадцать. Когда произошло то, о чём я хочу рассказать, мне было двадцать пять, а ей – около сорока.

Но это – по паспорту. Внешне она мало отличалась от моих сверстников. Возможно, потому, что вела богемный образ жизни. А это и причёска – то есть, никакой, и одежда – современное хиппарство, и манеры – полная раскрепощённость.

Я знала – по обрывкам скупых разговоров между мамой и папой – что мои родители, мягко выражаясь, опечалены судьбой Тамары: не замужем, ни детей, ни своего жилья, профессия какая-то несерьёзная, ненадёжная – искусствовед. У меня же ни разу не возникло повода пожалеть её или пожелать ей чего-то лучшего, большего.

Полгода тому назад, осенью, Тамара сказала мне, что встретила мужчину своей мечты. Я искренне порадовалась, будучи посвящённой в предыдущие драмы, постигшие её в личной жизни. Зато в нашем доме воцарился едва ли не траур. Когда приходила светящаяся счастьем Тамара, мама принималась обличать её в грехе любодеяния и увещевать, дабы

та опомнилась, покаялась и отреклась от небогоугодной жизни.

Зоя, говорила Тамара маме, ты понимаешь хоть что-нибудь в любви?

Это не любовь, говорила мама, это блуд.

Как ты можешь судить, говорила Тамара, ты же не знаешь наших отношений.

Вы живёте в грехе, твердила мама, прежде нужно проверить чувства, зарегистрировать брак, а потом ложиться с мужчиной – с мужем! – в постель.

Откуда ты у нас такое ископаемое? – смеялась её сестра.

Мама не была ископаемым, она была строгого, почти пуританского воспитания, которым заправляла в их доме бабушка – моя прабабушка. Я помню её совсем старенькой, в безукоризненно отглаженных тёмных платьях с безукоризненно отбеленными кружевными воротничками; безукоризненно уложенные локоны седых волос – тоже, казалось, отбеленных и отглаженных – венчали её безукоризненные манеры выпускницы института благородных девиц.

После такого старта советской школе оставалось только зацементировать благоприобретённые мамой представления о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», добавив кое-какие детали в виде морального кодекса строителя коммунизма, устава пионерской, а потом и комсомольской организации, а так же понятия «советская женщина». Последовав-

шее за этим христианство, в которое мама вполне логично угодила, познакомившись на пятом курсе с папой – он был из верующей семьи – окончательно выхолостило её душу, заменив «прекрасные порывы» на упорядоченное существование по писанным в Библии и дописанным во всяческих к ней приложениях правилам, и в непреходящем страхе перед карой Божьей за каждое неверное движение не только тела, но и мысли.

Мне тоже с детства говорили о Боге, о вечной жизни, о пути спасения и учили заповедям. Не знаю уж, в кого я удалась, такая вольнодумка – не в тётку ли? – только многое, очень многое смущало меня и в том Боге, который, называясь Любовью, нещадно и жестоко карал всех и вся за малейшую провинность, и в организации под названием «церковь». Любые попытки поговорить с родителями на волнующие меня темы, заканчивались их проповедями о смирении и неосуждении и не добавляли ничего нового к тому, что я уже знала.

Начало

Однажды Тамара пригласила меня на вернисаж своей подружки-художницы, который по моде нынешних времён устраивался с помпой каким-то новоявленным то ли концерном, то ли банком во вновь отстроенном офисе.

И вообще, сказала она, я теперь за тебя возьмусь, хватит вести монашеский образ жизни, пора выходить в свет, пора и пару заводить, а то скиснешь совсем и душой и телом.

Насчёт монашеского образа жизни Тамара почти не преувеличивала: в круг моих интересов входили только моя работа и мои увлечения. Я работала в проектной фирме, окончив строительный факультет, и любила своё дело. Ещё я любила театры, кино и литературу. И если усердие в работе находило одобрение у моих родителей, то вот остальное разве что не запрещалось: они считали, что это отвлекает от главного – от "стяжания Царства Божия". Но я не могла уразуметь, почему искусство входит в противоречие с Божьим Царством, и продолжала с увлечением читать и ходить в театры и кинозалы.

Пожалуй, только в одном я безусловно радовала маму с папой – не водила дружбу с мужчинами и не посещала злых мест, таких, как дискотеки и клубы. Что они думали о

моём одиночестве в двадцать пять моих лет? А вот что: Господь усмотрит тебе пару, когда ты будешь к этому готова, говорили они. И добавляли: мужа нужно искать в лоне церкви.

Я не искала мужа. На брак с "благопристойным христианином" в расчёте на то, что "любовь возникнет позже", я смотрела как на аморальный акт: так выходят замуж за деньги, положение в обществе и прочие привлекательные условия. Замуж нужно выходить по любви и только, считала я, а любовь как основа счастливых отношений – это нечто абсолютно безусловное.

Две пережитые мною до сей поры влюблённости – одна в школе, другая в институте – принесли только разочарование и укрепили в мысли, что любовь должна быть как стрела, как лавина, как цунами – когда невозможно её не заметить и невозможно усомниться: любовь ли это?

Кстати, так оно и произошло. Недаром сказано: ищите и найдёте. То есть – что ищете, то и найдёте. Но всё по порядку.

Наряжала меня Тамара. Платье нашлось в моём гардеробе, хотя тётушка и не одобряла мой вкус, а аксессуары она подобрала из своих. Мои обычно стянутые в хвост волосы она помыла и взбила с каким-то муссом, приговаривая: мне бы твои волосы, дурёха, что ты их прячешь под резинки?

Косметикой я почти не пользовалась – только карандашом для глаз. Она тронула мои ресницы тушью, щёки – то-

нальной пудрой, губы – помадой. Получился удивительный эффект: едва заметно, а лицо преобразилось.

Мне понравилось. Тамара же была просто в восторге. Знала бы она тогда, что содеяла собственными руками... Хотя это я так, глупость сказала – дело-то не в этом.

Мы пришли в сияющее огнями – и внутри и снаружи – здание. Тамара сказала: будет тьма людей, не теряйся и не комплексуй, ты выглядишь роскошно.

Она познакомила меня с подходящими к нам и с проходящими мимо.

Я удивлялась: надо же, оказывается, можно жить и так – в толпе, с разговорами ни о чём и о высших материях одновременно, с невообразимым количеством друзей и приятелей, с расписанными наперёд встречами и делами.

Разумеется, я не дикарка и знакома со всем этим из книг и кино – просто подобная жизнь проходила где-то рядом, параллельно моей.

Тамара стала чаще оглядываться по сторонам, и я поняла, что она кого-то ждёт. Когда до церемонии открытия оставалось четверть часа, она потянула меня в холл к телефону.

Я стояла рядом и невольно слышала разговор.

– Алло. Кир? ... Ты уже выезжаешь? ... Почему? ... Кир, ты обещал. ... Ты обещал. ... Но ты обещал! ... Завтра до-

пишешь. ... Я прошу, Кир. ... Я умоляю. ... Нет, пить не будем. ... Даю слово. Хотя, ты не представляешь, что тут будут наливать. ... Всё, всё!.. Обещаю. ... И тебе не дам. ... Кир... Я жду. ... Потом?... потом поеду к себе. ... Обещаю. ... Не буду. ... Нет. Правда.

Она повесила трубку. Её лицо было напряжённым – она не умела скрывать своих чувств. Пока я раздумывала, нужно ли что-то спросить или продолжать молчать, словно ничего не происходит, Тамара не выдержала тяжёлой паузы и, видимо, не желая ставить в неловкое положение меня, сказала:

– У нас перестало клеиться.

Я посмотрела на неё. Она достала сигарету, помяла по своему обыкновению и прикурила.

– Он говорит, я мешаю ему работать. – Она помолчала. – Мы уже несколько месяцев врозь живём... так, встречаемся изредка, когда он соизволит... А я с ума схожу без него. – Тамара смотрела на оживлённую темнеющую улицу и выпускала дым тонкой струйкой, которая плющилась о стекло. – Ты ведь ещё не знаешь, что такое мужчина? – Она не дожидаясь ответа, она знала, что это так. – Так вот он – всем мужчинам мужчина. – Она помолчала. – Но у него на первом месте работа. – Пауза. – И на втором. – Снова пауза. – И на третьем тоже.

Я вдруг с пронзительной остротой почувствовала её боль. И подумала ни с того, ни с сего, что не хочу любви, любовь – это больно.

На время церемонии мы расстались: Тамара произнесла речь в качестве куратора выставки, потом её отвлекли на интервью, потом ещё и ещё.

Я сидела в глубоком кресле со стаканом мангового сока и старалась не потерять из виду тётушкину шляпу. Кто-то подошёл ко мне и предложил полистать каталог выставки. Я разглядывала репродукции, поскольку на стенах ничего не сумела увидеть из-за огромной гомонящей пьюще-жующей толпы.

Кто-то положил мне руки на плечи. Я оглянулась – это была Тамара.

– Не скучаешь? – Сказала она и, обойдя кресло, оказалась передо мной. – Познакомься, Кир, это моя племянница, Лиза. Лиза, это Кирилл... тебя по отчеству представить?

– Можно просто Кирилл. – Сказал стоящий рядом мужчина и протянул мне руку.

Я принялась выкарабкиваться из низкого кресла, чтобы встать.

Тамара засмеялась:

– Женщине позволительно оставаться в сидячем положении, когда её...

Я уже не слышала, что она говорит – произошёл какой-то катаклизм, похожий на внезапно наступивший вакуум.

Мне нужно было бы броситься опрометью, подобно Золушке, с того вернисажа, пока не пробил роковой час. Но я

стояла, как вкопанная, держась за руку Тамариного спутника, помогшего мне выбраться из уютных и цепких объятий мебели.

Вы догадались? Тут оно и случилось – это самое начало. Можно называть, как кому нравится: сердце пронзила стрела Амура, или молния... в глазах потемнело, в ушах зазвенело... земля качнулась под ногами... словно волной захлестнуло... И так далее – не очень-то много этих штампов на самом деле. Но как же они точны в наивной своей простоте!

Я всегда отличалась особой чувствительностью в отношении людей. Вот только объяснить, почему, скажем, с этим человеком не стоит заводить дружбу, а с этим – деловые отношения, я не смогла бы. Чувяла, и всё тут.

Что я почуяла в Кирилле? Тогда – не знала, сейчас знаю: мужское начало. Силу. Силу интеллекта, силу духа. И ещё – трагедию. Не драму – Трагедию. С большой буквы.

Когда прошёл первый шок, я постаралась взять себя в руки.

Тамара сняла с проплывающего мимо подноса три бокала с розовым martinis – бокалы для martinis я знала исключительно из рекламы.

– За знакомство. – Сказала она, и мы чокнулись: клёк-

клёк-клёк.

Я подумала: ведь она обещала Кириллу, что пить они не будут. Но не напоминать же об этом тётушке!..

Мы медленно пошли вдоль экспозиции. Тамара что-то рассказывала о подругиной сложной живописи. Останавливаясь перед очередным полотном, мы с Кириллом оказывались по разные стороны от неё лицом друг к другу. Он смотрел на меня сквозь свои дорогие дымчатые очки и молчал. Понятно, что он молчал, ведь говорила Тамара, но он молчал... он молчал нутром. Он был абсолютно нем и неподвижен нутром.

Его внешность?.. Я могла бы сравнить его с одним известным и популярным журналистом-телеведущим, но не стану, чтобы не испортить сравнением неповторимый образ Тамариного возлюбленного. Тем более что не в чертах лица их сходство, а... как бы это объяснить... в поле, окружавшем обоих, в заряде излучаемой энергии. Та же харизма, то же неоспоримо мощное мужское начало. Всё остальное – одежда, манеры – вполне под стать: фундаментально, надёжно, добротно. И неколебимо. Китайская стена. А что до трагедии – так это там, внутри, вас туда не впустят.

Продолжение начала

Да, любовь – это больно.

Я заболела. Я томилась и тосковала. Я не спала ночами. Я не могла сосредоточиться на работе.

Я не знала, что делать. Меня воспитывали в строгих правилах религиозной морали, а душа моя сочувствовала Анне Карениной и понимала Татьяну Ларину. Но и только – сама я не в состоянии была сделать первый шаг. К тому же – Тамара... Родная тётя. Почти подруга. Перейти ей дорогу?!

Но я чуяла, что где-то там, во чреве города – дневного или ночного, делового или развлекающегося – меня помнят, обо мне думают. Это и пугало, и придавало смысл каждому новому дню.

* * *

Прошло около недели с момента нашего знакомства, когда позвонила Тамара. Спросила, можно ли ей зайти. Это было странно: она никогда не делала так прежде – просто приходила.

Дома ли родители, спросила она.

Родители были на даче – как и обычно в субботу.

Тем лучше, сказала Тамара.

Я увидела её на пороге и поняла, что что-то случилось.

Она прошла в мою комнату и закурила. Это было просто из ряда вон – в нашем доме даже ей не позволялось курить.

Она выпустила с шумом первую затяжку и сказала:

– Он в тебя влюблён.

И заплакала.

Я молчала. Я знала всё. Всё наперёд. И тем не менее, пролопотала:

– Но ведь мы... мы же едва знакомы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.